21 МАР 1987 Молодежь Эстонии г. Таллин

ВЗГЛЯД

Интервью с режиссером студии «Лентелефильм» Владиславом ВИНОГРАДОВЫМ

Когда он в работе — сосредоточен, мрачен, порой даже груб. Он отключает телефон и пишет сценарий... А фильмы Владислав Виноградов делает светлые, легкие и вместе с тем пронизанные глубокими размышлениями зрелого и внимательно живущего человека. «Элегия», «Я помню чудное мгновенье», «Я возвращаю ваш портрет», фильм о Кижах — это работы художника, умеющего слышать время. Когда работа закончена, он расказывает о ней щедро, со вкусом, с множеством подробностей, оставшихся за кадром. И даже не верится, что в иные минуты он может быть совсем другим.

Мы познакомились в музее-квартире А.С.Пушкина на Мойке, где В.Б.Виноградов снимал свой новый фильм. С музейными интерьерами еще диссонировали стремянки маляров и какие-то нехитрые приспособления в виде подмостков, на подоконнике лежала широкая кисть, ведро с краской стояло в углу, и шуршали под ногами газеты. И все-таки здесь ощущалось присутствие Пушкина: будто не музейная администрация, а он сам, Александр Сергеевич, собрал маляров, нанял паркетчиков и затеял весь этот ремонт. Поймав себя на таком ощущении, я поняла: музей состоялся, несмотря на множество высказанных поначалу опасений, замечаний скептиков. Новый фильм режиссера Виноградова — о сегодняшнем нашем отношении к дому Пушкина. Грустная нота — лейтмотив любой мемориальной квартиры. Но этот фильм и о тех, для кого музей создан, — о нас с вами. Вот как говорил о своем будущем фильме режиссер:

— В начале фильма мы сверху увидим старые петербургские кварталы, заснеженные крыши и услышим чистые детские голоса, исполняющие печальный концерт Бортнянского «Вскую прискорбна еси душе моя» — «Почему скорбишь ты, моя душа». Это станет первым аккордом, который задаст тон всему фильму. А потом мы несколько раз приблизимся к дому на Мойке с разных точек и сверху, быть может. Уже наступят сумерки, а потом вечер, и кто-то пройдет по комнатам со свечой. Мы увидим этот огонь с улицы и тихо войдем в дом... Будет ночь накануне открытия музея, наполненная суетой (но не сутолокой) и какими-то торжественными хлопотами. Наступит утро 10 февраля, и за окном мы увидим людей, пришедших к Пушкину. А потом мы снова услышим хор мальчиков из ленинградской капеллы с той же музыкой, что в первых кадрах фильма. Наступит минута молчания, особый момент, когда ожидание чуда объединит всех присутствующих, — и здесь не упустить то первое движение, когда будут снимать шапки. Мы будем искать, находить и выхватывать камерой из толпы настоящие лица! И нужно снять весь этот небольшой фильм (10 минут) так, чтобы не было сусальности, чтобы открыть что-то новое и неожиданное в доме на Мойке, и в нашем представлении о нем, и в нашем отношении к нему.

— Владислав Борисович, ваши фильмы очень лиричны, но в них нет того, что вы назвали сусальностью. Как вам удается выдержать этот тон?

— Я стараюсь поймать особое состояние души и по нему как по камертону, настроить весь фильм, который станет понятен каждому. Но боязнь сбиться на умилительный тон есть всегда, особенно когда снимаешь пожилых людей. Я много снимал стариков: и в «Элегии», и в «Чудном мгновении», и в фильме о Кижах. И всегда вот о чем думал: старик в любой момент может развенчать тот образ, который мы себе придумали. Я снимал в Кижах старика-архитектора. Он слова терял, сбивался с мысли, повторялся до тех пор, пока у него такая злость на свое косноязычие накопилась, что он в нескольких словах выпалил то, что нам было нужно. Эта его фраза и вошла в фильм. Когда мы снимали Варламова, у него руки тряслись, и он пальцы соединял, чтобы не так было заметно его волнение. Но его рассказ о джазе был великолепным! А руки его мы потихоньку все-таки сняли, и это-то и дало нам высокую ноту искренности. Только, к сожалению, этот эпизод в фильм не вошел.

— В фильмах «Я помню чудное мгновенье», «Я возвращаю ваш портрет» вы пытались объяснить время через музыку, популярную в те или иные годы. Герои — кумиры эстрады прошлых лет и наши современники. Создается впечатление, что все они не играли, рассказывая о себе, а были вполне искренними. Ведь без этого качества фильм не состоялся бы...

— Я расскажу вам одну историю. Мы снимали «Чудное мгновенье». Приехали к Леониду Утесову: он нас ждал, был уверен в себе, бодр. По-моему, он даже отводил себе в нашем фильме роль «свадебного генерала». Мы же хотели другое снять: жизненный финал уникального артиста эстрады, а это, скажу вам, грустная задача. Мы его попросили спеть. Утесов говорит: «Хорошо, я спою вам «Перевал». А это патетическая песня под оркестр. Леонид Осипович, сидя за столом, стал исполнять песню под фонограмму. Кажется, он и сам понял, что получается неважно. И мы знали, что в фильме Утесов в таком виде здорово проиграет. И тогда я попросил Леонида Осиповича спеть нам как бы для репетиции, дескать, чтобы прикинуть крупность плана. Он начал петь слабым голосом и вдруг заплакал, весь сжавшись. Это и было самое лучшее в картине. Когда камера шумела, мы все кашляли, чтобы он не услышал. Но Утесов сказал, когда успокоился: «Что вы меня обманываете! Я же все вижу. Скажите, я вам все что угодно сыграю!» Но я знал: даже самый хороший артист не сыграл бы того, чему мы были свидетелями минуту назад, потому что тут была не игра, а просто плакал старый человек, который свой перевал прошел...

— Ваши фильмы о музыке — «Мои современники», «Взгляд» — это своеобразный срез времени, на котором обозначились конкретные, известные многим лица. А как вы находите «маленьких», простых людей? Как возник замысел фильма «Элегия»? Как появились его герои?

— Я хотел снять фильм о реке Оредеж. Главные зацепки в фильме были — Выра, Рождествено, Суйда. Когда я пришел в селе Рождествено в краеведческий музей — старый деревянный дом с мезонином, — обнаружил там удивительную женщину, Татьяну Васильевну Вячеславову, которая для трех посетителей рассказывала о Рылееве и Набокове, чей отец когда-то этим домом владел, и стихи читала наизусть. Словом, рассказывала так, как будто она сама лично их всех знала, рассказывала, как в последний раз... Так я познакомился с ней и узнал удивительную ее судьбу... В процессе съемок появился еще один человек, деревенский архитектор Александр Семочкин, который считает себя ответственным за восстановление Выры. Он не только дворовые постройки, но и церковь деревянную, что при Пушкине была в Выре, восстанавливает. Нашелся в этих пушкинских местах и старик с примечательной фамилией Ларин, умелец, доброхот и философ, который также немало для Выры сделал. И все-таки главная находка фильма — это старушка Вячеславова, в прошлом «комсомольская богиня», и, между прочим, заслуженный агроном республики и кавалер ордена Ленина и бывший член Ленинградского обкома партии. А ныне — обычный музейный смотритель. Вот какая у нее судьба примечательная. Я от Татьяны Васильевны до сих пор получаю письма — очень ей понравилось, как мы о них, живущих на Оредеже, поведали.

— Бывает ли у вас после съемок фильма чувство, что вы знаете о своих героях все?

— Все знать о человеке опасно! Я всегда останавливаю человека до полной его исповеди, чтобы не увидеть его «дна», потому что это «размагнитит» моего собеседника и приведет к неизбежным потерям в фильме. Так, кстати, было у нас с человеком, который коллекционировал все о Вере Холодной.

— Случалось ли вам отказываться от уже снятого материала в силу его несостыковки с концепцией фильма, логикой его повествования?

— Мы подготовили материал об ивановской прядильщице Гагановой, однако он не вошел в фильм «Мои современники». Почему? Ведь она — знак того времени, продукт его. Но мы пытались выявить принцип духовной культуры, который руководил и руководит нашим обществом. Духовность эта шла в первую очередь от интеллигенции, и это казалось нам очень важным. Впрочем, сказанное вовсе не означает моего пренебрежения к людям труда. Вовсе нет! Я своим фильмом о Кижах в их сторону большой поклон делаю... Дело в другом: можно снять фильм о простом человеке, но не надо его самого делать мерилом духовной жизни общества, не надо этими людьми прикрываться, что ли... А как портит простых людей искусственная слава и досужее внимание журналистской братии! На иного посмотришь — он уже не просто рабочий, не просто ветеран и наставник, а уже и пушкинист, и культуролог, и все, что угодно.

— Сейчас много говорится о сходстве 60-х и 80-х годов. Возможно, и фильм «Мои современники», посвященный поколению 60-х годов, не случайно вышел в наши дни. Помню, как вы, Владислав Борисович, представляя этот фильм во Дворце работников искусств, сказали: «Мы в 60-е годы получили глоток свободы, и до сих пор его в груди держим, боимся выдохнуть, и он нам помогает жить». А находите ли вы сходство современности с временем вашей молодости?

— Для меня нынешнее время и то, прошедшее, — совсем разные, непохожие периоды. И каждый, кто в ту пору жил, вам это подтвердит. Слишком много за нами осталось выжженной земли, растоптанных идеалов. Отсюда — конформизм, рационализм нового поколения. Но я его хочу понять, объяснить себе эту новую молодежь, ее привычки и вкусы. Вот почему в мои планы входит фильм о моде, о новых кумирах, о тех, кто оказался моим соседом по времени.

Т. ГАГЕН.